

Сергей Безруков: “не-е-т, я не Басков, я другой”

Окончание. Начало на странице 01

Вы имеете в виду комедию «Ключ от спальни», которая скоро выйдет в прокат?

Да, ее уже озвучили, сейчас монтируют. Начало XX века — 1912 год, все очень симпатично. Время первых авто, первых синема, декаданс... Там играет божественно красивая Женя Крюкова (актриса, игравшая роль Юлии Беровой в телевизионном фильме «Петербургские тайны». — **Газета**). Костюмы потрясающие, интерьеры великолепные. Сюжет — муж, жена, любовник, друг семьи...

Чрезвычайно оригинально.

Ну да. (*Смеется*). Просто симпатично завязано все. Что-то есть от «Здравствуйте, я ваша тетя», что-то из «Жестокого романса». Я там один из главных героев — профессор орнитологии Павел Марусин, друг семьи. Неожиданно получилось, что мой грим — а ля Антон Павлович Чехов. А герой — гремячая смесь князя Мышкина, Епиходова и графа Монте-Кристо. Все у него валится из рук, все потешаются над его неловкостью. Марусин влюблен в жену своего друга. Но влюблен чисто, романтически. Рязанову понравился этот образ, он меня хвалил.

Мы снимали на Карельском перешейке. Потрясающая красота, ощущение кайфа от лета в Петербурге, от сумасшедших белых ночей... Мы ездили в Павловск, ездили в Петергоф. Плавали на кораблике по каналам — я просто его купил на день. Чисто отстегнул бабок (*Смеется*). *Смех, тут же превращается в Сашу Белого из «Бригады»*). Мы причалили к набережной, у ступеней, которые ведут от паркета прямо к воде. Там ребята молоденькие сидели с девочками. Простая, вполне приличная компания.

Узнали?

Ага. Пива предложили. Причем это было еще до выхода «Бригады». И знаете, что меня поразило: острота конкуренции между Питером и Москвой. Они меня спросили, что лучше — Москва или Петербург? Я сказал честно: люди здесь интеллигентнее. Или мне просто везло? Меня каждый раз поражает, как петербуржцы разных возрастов и социальных слоев отстаивают свой город, насколько их это затрагивает, как они гордятся им! В Москве я как-то этого не вижу. Может, потому что настоящие москвичи как-то затерялись среди приезжих. Я сразу скажу: ничего плохого в том, что приезжают в столицу тысячи людей и оста-

ются там, конечно, нет. Я сам москвич в первом поколении, мои родители приехали из Нижнего Новгорода. Отец долго жил в общежитии Школы-студии МХАТ без прописки. Сейчас, к счастью, время изменилось, можешь жить там, где хочешь, если ты нужен.

Вы в зените славы, дай Бог, чтобы это «солнцестояние» продлилось долго. Но не кажется ли вам, что ваша популярность носит «тинейджерский» характер: вас истерично обожают девочки-подростки. Не тошнит?

Знаете, я себя сравнивал с «Иванушками-интернешнл» или с Юрой Шатуновым из «Ласкового мая». Ой, не нравится мне это. Неприятно, честно. Но молодая публика, особенно вне столиц, воспитана только на попсе, она же ничего другого не видит, не приучена как-то по-другому выражать свои эмоции. В глубинку театры не ездят, в лучшем случае — антреприза. Есть еще один момент: за мной следят, наблюдают — то, каким я появляюсь на сцене или в кадре, важно. Они же копируют. Огромное число ребят меня узнали именно благодаря «Бригаде», опять же потому что ее показывали по телевизору и видеть ее мог любой.

И вы предъявили им в этом фильме бандита, вора в законе, романтизировав этот «блатняк». Не опасаетесь, что это амплуа к вам прилипнет?

Я слежу за своим имиджем. Чтобы не погрязнуть в «голосах», в свое время ушел из «Кукол», которые озвучивал несколько лет. Мне часто говорили, что я так навсегда и останусь «голосом Ельцина» и других. Нет, все уже забыли, потому что я занимался другим. Так и с «Бригадой». И, может, те, кто узнал Сашу Белого из «Бригады», теперь пойдут в театр, где у меня совсем другие, разные роли. Но я подчеркиваю: себя в образе этого героя я отнюдь не тиражирую, хотя эта роль и была мне интересной и успешной.

Я очень хочу пробить на каком-либо телеканале сериал о Есенине. И поможет мне в этом «Бригада».

Вы знаете, что вас стали сравнивать с Николаем Басковым?

Не-е-т, я не Басков, я другой. (*Улыбается*). Его имидж неподражаем! Я хорошо к Коле отношусь, но со мной, надеюсь, совсем другая история. Я драматический актер. А успех — так я что, его стесняться должен?

Вы довольны своими героями — в кино и в театре?

В общем, да. Но это не значит, что я штампую — я каждый раз стараюсь делать что-то новое, импровизировать. Иначе невозможно. Так, например, и с Моцартом в «Амадее».

По поводу Моцарта — первый акт вызвал некоторое недоумение: здесь больше брутальной эротики, чем подтекста. Нет?

Мне больше нравится, для меня важно в первом акте веселье, иногда переходящее грань. Хулиганская непосредственность. Сексуальная разнузданность, говорите? Может, я повзрослел? А если серьезно, мне просто хотелось так его выразить — пусть это кого-то и шокирует. Таким Моцарта видит Сальери — раскованным до неприличия мальчишкой, которому все так легко удается.

То есть вы играете Моцарта глазами Сальери?

Вначале да. А во втором акте уже все по-другому — ведь так, вы согласны? Там другое развитие. Между первым и вторым актом, где лишь двадцать минут антракта, проходит много лет и много времени для Моцарта. Он же попадает совсем в другие условия. Начало Моцарта, когда его любят все, когда им упиваются все, когда он сам упоен жизнью, когда музыка струится от ощущения полноты жизни, когда нет враждебности мира. Или, вернее, он ее не замечает из-за сумасшедшего признания, которое становится привычным. Потом... И в легкомысленных кривляниях уже все не то, они уже маска для растерянности. Почему вы меня не признаете, что же это?! Я не изменился, я такой же, у меня по-прежнему прекрасная музыка. Вот эта «ломка» важна.

Вы письма Моцарта читали?

Нет, но в Зальцбурге и в Вене, где он жил, я бывал. Причем до «Амадея»... Меня в детстве музыка учили, тоже оказалось полезным. Сольфеджио мне не нравилось. Я музыкальную школу закончил с отлич-

ем по классу классической гитары. По общему курсу фортепиано, правда, у меня было четыре с плюсом. Я на этот предмет вообще ходил только потому, что учительница была очень красивая. Я ею любовался. Дома пианино не было, я ходил к соседям, чтобы заниматься и ей понравиться.

Вы много заняты в театре, снимаетесь. Хватает времени на семью?

Хватает, а как же иначе. Я обязательно стараюсь брать с собой жену в поездку, когда есть возможность погулять по городу, где гастролируем. Она всегда со мной рядом.

Она жена при муже?

Я не люблю таких дефиниций: жена при муже. Ира — личность. При всей ее мягкости и преданности, при том, что, конечно, она ведет дом, она создает семью, она сама — личность. Ее сын от первого брака живет с нами. Ему двенадцать лет, он отличный парень, и, когда я покупал сейчас квартиру, я специально покупал большую, чтобы у него была своя комната. С отцом своим он нормально общается...

Вашу личную жизнь много обсуждают на страницах глянцевого журнала. Как вы к этому относитесь?

Вот мы говорили о популярности. Я устаю от повышенного внимания к себе, серьезно. Это же раздражает, как живу, с кем живу, чем живу. Порой такое «разглядывание» вгоняет в депрессию. Так же невозможно. Что бы ни сделал, что бы ни сказал, начинают обсуждать. Когда становишься звездой, уже ничего не можешь делать нормально, не можешь жить по-человечески. Выходишь куда-то — обязательно надо надеть темные очки или что-нибудь подобное, чтобы не узнавали.

Вы, стало быть, звезда — вы так себя определяете?

Пусть зрители решают, спросите у них. Я только хочу сказать: это трудно — быть все время на виду.

Но ваши с Ириной фотографии сейчас красуются в виде рекламы на обложке очередного глянцевого журнала даже в метро. Неужто против вашей воли, Сергей?

Нет, не против воли. Если это сделано со вкусом, без желтизны — почему бы нет? Если красиво. А вот если с грязью... Вообще я бы даже ввел цензуру: подойдите к прилавкам, посмотрите, что там творится.

Цензура не бывает только в журналистике. Она обязательно приходит в театр и кино. Вряд ли вам это понравится.

Я не говорю о цензуре политической, разумеется, я имею в виду нравственную, что ли. Кругом же эротика и порно, кругом разнузданность. Это же не секс-шоп, куда ходят взрослые люди. Все это читиво с броскими картинками продается на улице, где дети ходят. Это меня бесит.

Как вы отдыхаете?

В последнее время у меня появилось правило: если выезжаю на спектакли антрепризные, то беру еще запасной день и гуляю. С женой. Я ставлю условие, что на следующий день после спектакля принимающая сторона — организаторы гастролей — берет надо мной опеку. Вот сейчас был в Одессе... Потрясающе. Гуляли, гуляли, гуляли! Там плюс восемь — вы таки будете смеяться, но на Дерибасовской хорошая погода! В Питер, надеюсь, мы теперь будем приезжать ежемесячно с антрепризным спектаклем «Искушение». И тоже обязательно имея в запасе свободный день.

В недавнем интервью Газете Олег Табаков рассказал, что в «Табакерке» вы будете ставить старинный французский водевиль. Что это за работа?

Как-то давно я рассказал Олегу Павловичу, что хотел бы сыграть в этом водевиле — я принес пьесу в театр. Она называется «Бледнолицый лжец». Из французского водевиля Виталий Москаленко сделал пьесу, вернее даже, написал ее заново. Когда-то этот «Бледнолицый лжец» был снят на киностудии имени Горького под патронажем Грамматикова, сейчас он лежит на полке.

Роль, которую я хотел играть, — очаровательная — смесь Остаса Бендера и Хлестакова. По закрутке сюжетной — сумасшедше весело. Герой — неудачник-писатель. Аполлон Иванов. Понимаете: Аполлон Иванов?! Само сочетание уже забавно. Его не печатают, а он пытается пускать пыль в глаза. У него есть старый дядя, которому тот пишет сочинения о своей жизни. И в результате оказывается пьеса в пьесе...

А мысль о том, чтобы я был постановщиком, наверное, возникла тогда, когда на юбилее «Табакерки» я делал спектакль-капустник из жизни нашего театра, пройдясь по всем выходцам из «Табакерки». Он назывался «Музей восковых фигур». Володя Машков, Андрей Смоляков, Женя Миронов... Там были их «фигуры», которые играли наши молодые артисты. Теперь мне нужно найти актера на главную роль.

А самому сыграть? Такое в театральной практике случается — режиссер, он же и исполнитель?

Нет, я принципиально против... Олег Павлович хочет, чтобы я начал работать над «Бледнолицым лжецом» уже сейчас. Но я очень устал, я хотел бы немного попоже.

Какие еще планы?

Я очень хочу пробить на каком-либо телеканале сериал о Есенине. И поможет мне в этом «Бригада». Просто раньше я не мог сунуться на ТВ, поскольку никто не знал, как пойдет фильм с моим участием. А после «Бригады» все ясно.

Сергей Безруков: «Таким Моцарта видит Сальери — раскованным до неприличия мальчишкой, которому все так легко удается»